

Барнаульский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия
E-mail: vigv@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АВТОРА И ГЕРОЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается решение проблемы взаимоотношений автора и героя в художественном произведении с точки зрения Достоевского. Для анализа привлекаются письма, Записные тетради, «Дневник писателя».

Ключевые слова: позиция автора, герой.

В критике и литературоведении достаточно четко обозначились два подхода в решении вопроса о взаимоотношениях между автором и героем в поэтической системе Достоевского. Первый продолжает традиции современной писателю критики, видевшей в героях Достоевского художественную экспликацию личности автора (Н. А. Добролюбов, М. А. Антонович, Н. К. Михайловский), второй обозначился в исследовании М. М. Бахтина, указавшего, что «новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского – это *всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция*, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя» (курсив автора. – В. Г.) [Бахтин, 1972. С. 107], из чего вытекает полная «неслиянность» голосов автора и героя: «слово автора противостоит полноценному и беспримесно чистому слову героя» [Там же. С. 95] ¹.

Представляется, что и тот и другой подходы к трактовке позиции автора по отношению к герою в мире Достоевского не учитывают мысли самого писателя, неоднократно обращающегося к этой проблеме в своих письмах, Записных тетрадях и публицистических выступлениях. Самое раннее высказывание Достоевского по поводу отождествления читающей публикой и критикой автора с героем относится ко времени

публикации его первого романа. «Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя: я же моей не показывал», – замечает автор «Бедных людей», рассуждая о принятой им в этом романе форме повествования от лица героя [Т. 28, кн. 1. С. 117] ². Дошедшие до нас письма и Записные тетради Достоевского, в которых нашли отражение подготовительные этапы создания его произведений, свидетельствуют о том, что писатель придавал большое значение не только поиску адекватной поэтическому замыслу формы повествования, но и определению авторской позиции по отношению к изображаемым идеям и героям. В рассуждениях Достоевского привлекает внимание неоднократно повторяющаяся мысль о необходимости авторской интенции, направленной на формирование читательского восприятия персонажа. Так, в предисловии автора к «Запискам из подполья» сформулирована задача: «...*вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавно времени*» [Т. 5. С. 99] (здесь и далее курсив мой. – В. Г.). В подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание» вновь обозначена авторская позиция: «Предположить нужно автора существом всеведующим и непогрешимым, выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения» [Т. 7. С. 119] (здесь и далее подчеркнуто автором. – В. Г.). Таким образом, заявленная позиция сближа-

¹ О развитии этой традиции в философской критике начала XX в. и в литературоведении второй половины XX в. и о полемике вокруг бахтинской интерпретации проблемы автора у Достоевского см. в статье: [Габдуллина, 2007. С. 92–94].

² Ссылки делаются по изданию: [Достоевский, 1972–1990].

ет автора (в рамках художественного произведения) с Творцом, с присущими только ему *всеведением* и *непогрешимостью* и поэтому имеющим право *выставлять всем на вид*, т. е. наставлять и поучать.

По мысли Ф. М. Достоевского, изображая характер героя, автор должен дать ему нравственную оценку. Эта мысль получила воплощение в размышлениях автора по поводу романа И. С. Тургенева «Дым» в подготовительных материалах к «Дневнику писателя». Достоевский не принимает пессимизма тургеневского Потугина в его взгляде на Россию, видя в нем выражение точки зрения автора – самого Тургенева. В черновиках находим заметку, не вошедшую в февральский выпуск «Дневника писателя»: «...г-н Ив. Тургенев, сколько мне известно, один из самых [ярких] односторонних западников по убеждениям своим и представил нам позднее дрянной и глупенький тип – Потугина, с любовью нарисованный [и представляющий] олицетворяющий собою идеал сороковых годов ненавистника России и народа Русского, со всею ограниченностью сороковых годов, разумеется» [Т. 22. С. 190]. По мнению Достоевского, автор не дал надлежащей оценки взглядам своего героя, нарисовав его «с любовью»: «Вот какой-то господин едет в вагоне и осуждает всех и решает, что все это дым. Мне досадно, что ему дано это право. Он хуже всех и не имеет тут слов. Даже если б себя осуждал, но себя осуждать он не думает. Автор должен был поставить в надлежащем свете, автор этого не сделал» [Т. 24. С. 90]. По Достоевскому, позиция автора обязательно должна быть проявлена в художественном произведении «твердо, ясно и понятно» [Там же. С. 308]. Сам Достоевский, изображая героя-идеолога, зараженного *трихинами* анархизма и крайнего индивидуализма, всегда стремился к опровержению его взглядов не только героями-оппонентами, близкими по своей нравственной позиции автору, но и всей логикой изображения, сталкивая идею героя с *живой жизнью*, *Божией правдой* и *земным законом* [Т. 28, кн. 2. С. 136].

В случае с оценкой романа Тургенева «Дым» Достоевский «угадал» симпатии автора к своему герою. Рассматривая взгляды Потугина, Достоевский постоянно переходит к оценке позиции автора, уловив связь между ними, которую признавал и сам Тургенев, что следует из известного письма к

Д. Писареву из Баден-Бадена, в котором писатель объясняет свое отношение к Потугину: «Быть может, мне самому это лицо дорого; но я радуюсь, что оно появилось, что его ругают в самое время этого всеобщего опьянения, которому предаются, именно теперь, у нас. Я радуюсь, что мне именно теперь удалось выставить слово “цивилизация” – и пусть в него швыряют грязью со всех сторон» [Тургенев, 1963. С. 261.]. Судя по черновым записям, Достоевский обнаружил связь Тургенева с его героем и именно в том пункте, на который указывал сам автор. В наброске неосуществленной статьи Достоевского о романе «Дым» читаем: «Статья

1) Потугин, Тургенев (красота).

Цивилизация» [Т. 24. С. 74].

Достоевский напрямую отождествляет Потугина с его создателем, о чем свидетельствует запись: «Потугин – это сам г-н Тургенев» [Там же].

О важности для Достоевского решения вопроса о возможности использования героя в качестве проводника идейно-философской и общественной позиции автора свидетельствуют и его размышления по этому поводу в связи с оценкой романа Л. Толстого «Анна Каренина» на страницах «Дневника писателя». Давая разбор вышедших глав романа, Достоевский отметил приметы «нового созидания» в решении Толстым проблемы личной ответственности человека, подчеркивая, что в образе Левина нарисован тип нового человека, предвестника «общества новой правды». Особую важность для Достоевского имеет то, что «у писателя – художника в высшей степени, беллетриста по преимуществу» им обнаружены «страницы настоящей “злобы дня”, со всем характернейшим оттенком настоящей минуты», созвучные его собственным размышлениям. «Я именно провозглашаю, что есть, рядом с страшным развратом, что я вижу и предчувствую этих грядущих людей, которым принадлежит будущность России, что их нельзя уже не видеть и что художник, сопоставивший этого отжившего циника Стиву с своим новым человеком Левиным, как бы сопоставил это отпетое, развратное, страшно многочисленное, но уже покончившее с собой собственным приговором общество русское, с обществом новой правды, которое не может вынести в сердце своем убеждения, что

оно виновато, и отдаст всё, чтоб очистить сердце свое от вины своей» [Т. 25. С. 57].

Отношение Достоевского к герою Толстого меняется после выхода изданной отдельно «несчастной восьмой части романа» [Там же. С. 202], так как, по его мнению, писатель отступил в ней от провозглашенного в предыдущих частях романа идеала Милосердия. Теперь Левин, для Достоевского, становится прямым выразителем позиции автора, с которой он принципиально расходится.

К пониманию концепции автора Достоевский идет через постижение жизненной философии главного героя романа – Левина, которого он считает носителем идей его создателя. «Идеи Левина разделяет, видимо, сам автор, сам граф Лев Толстой», – отмечает Достоевский в подготовительных материалах [Там же. С. 240]. Принцип своего подхода к анализу образа главного героя, а через него к постижению «взгляда на современную русскую действительность» Льва Толстого Достоевский сформулировал в следующем рассуждении: «Левин, как факт, есть, конечно, не действительно существующее лицо, а лишь вымысел романиста. Тем не менее этот романист – огромный талант, значительный ум и весьма уважаемый интеллигентною Россиею человек, – этот романист изображает в этом идеальном, то есть придуманном, лице частью и собственный взгляд свой на современную нашу русскую действительность, что ясно каждому, прочитавшему его произведение. Таким образом, судя об несуществующем Левине, мы будем судить и о действительном уже взгляде одного из самых значительных современных русских людей на текущую русскую действительность» [Там же. С. 193].

В приведенном рассуждении Достоевский определяет исходную точку во взгляде на главного героя романа: Левин важен для Достоевского не как герой литературного произведения с присущим ему характером, и даже не столько как персонаж, воплотивший в себе черты и взгляды людей определенного типа, Достоевский воспринимает Левина, прежде всего, как носителя авторской идеи. При анализе романа Достоевский избирает эпизоды, в которых ярче всего отразились *злоба дня* и взгляд на нее автора. Обнаружив противоречие в позиции Левина (Толстого) в его отношении к Восточному

вопросу, Достоевский вступает с ним в полемику, применяя распространенный полемический прием – «биение противника его же оружием», который заключается в предельном обнажении противоречий во взглядах оппонента. Достоевский не согласен с толстовской оценкой понимания простым народом характера войны на Балканах. Как замечает А. И. Батюто, разбор Достоевским «Анны Карениной» направлен на дискредитацию «в лице Левина человека, позволившего себе усомниться в сознательном отношении темной народной массы к Восточному вопросу...» [Батюто, 1983. С. 136]. Желая показать антигуманную сущность левинского «обособления», Достоевский заявляет, что нежелание Левина участвовать в «мщении и убийстве» на деле означает молчаливое согласие на чинимые турками зверства. Этот вывод закономерно вытекает из сцены, нарисованной Достоевским в «Дневнике писателя», в которой со всей очевидностью показана абсурдность «непротивленческой» позиции Левина. Сцена «сочиненная» Достоевским для испытания позиции толстовского героя, заставляет усомниться в человеколюбии Левина, так как в ситуации выбора – убить ли турка, выкальвающего глазки ребенку – по логике рассуждений Левина, он должен заявить: «Нет, нельзя убить турку. Нет, уж пусть он выкальвает глазки ребенку и замучает его, а я уйду к Кити» [Т. 25. С. 220]. Как утверждает Достоевский, такой поступок «прямо выходит из его убеждений и из всего того, что он говорит». Таким образом, в процессе полемики Достоевский укрупняет негативную сторону позиции оппонента, в результате чего толстовский образ заметно искажается. Выходя в своей интерпретации за рамки изображенного Толстым характера, Достоевский дает оценку позиции автора «Анны Карениной» в Восточном вопросе, какой она ему представляется, на основании анализа высказываний Левина, подчеркивая всю их парадоксальность. Автор «Дневника» выступает против непозволительного для писателя «обособления» от проблем, представляющих в данную минуту национальный интерес. «Но он в обособлении. Он видит, во-первых, выделанность, во-вторых, тупость народа, в-третьих, пошлость добровольцев (смотри и проч.), в-четвертых,

ужасно сердится. Отчего произошло это обособление, не знаю. Но оно печально», – пишет Достоевский об авторе «Анны Карениной» [Т. 25. С. 241].

Уделяя столь большое место анализу позиции Толстого-художника, Достоевский объясняет причины своего внимания к этому вопросу: «Теперь, когда я выразил мои чувства, может быть, поймут, как подействовало на меня отпадение такого автора, отъединение его от русского всеобщего и великого дела и парадоксальная неправда, возведенная им на народ...» [Там же. С. 202]. В черновике эта мысль получила продолжение: «Конечно, всё это выражено лишь в лицах героев романа, но с тем вместе видно, что и автор теряет свою художественную объективность и что он сам заодно с своими героями, подкакивает им и направляет их» [Там же. С. 250]. Достоевский завершает июльско-августовский номер «Дневника писателя» риторическим вопросом: «Такие люди, как автор “Анны Карениной” – суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики их. Чему ж они нас учат?» [Там же. С. 223].

Таким образом, в представлении Достоевского, герой Толстого является выразителем взглядов автора: «...этот романист изображает в этом идеальном, то есть придуманном, лице весь свой взгляд на современную нашу действительность...» [Там же. С. 246]. Эта мысль из Записной тетради Достоевского представляет интерес с точки зрения сформулированного в ней принципа оценки взглядов писателя посредством анализа высказываний его героя. Признавая, что герой художественного произведения – это *придуманное* автором лицо, Достоевский допускает возможность ставить знак равенства между автором и героем в том, как они смотрят «на современную нашу действительность». В данном случае, Достоевский интуитивно уловил тесную связь между Толстым и одним из наиболее близких автору героев, которого он наделил не только своими собственными мыслями и переживаниями и некоторыми чертами своей биографии, но даже в его фамилии подчеркнул свою «родственность» с героем (Левин от имени Лев, т. е. принадлежащий Льву).

Как уже отмечалось, для современной Достоевскому литературной критики характерен был подобный подход к оценке авторской позиции, что приводило зачастую к

вульгаризации трактовки личности автора. Достоевский более корректен в использовании указанного критического приема, чему, очевидно, способствует великолепная писательская интуиция и знание природы художественного творчества. Так, в «Дневнике» и в подготовительных материалах к нему писатель неоднократно уточняет: «...лицо самого Левина, так, как изобразил его автор, я все же с лицом самого автора отнюдь не смешиваю», высказывая в то же время «горькое недоумение», «что хотя очень многое из выраженного автором, в лице Левина, очевидно, касается собственно одного Левина, как художественно изображенного типа, но все же не того ожидал я от такого автора!» [Там же. С. 194].

Нельзя не заметить, что принцип оценки «чужого» героя и его связи с автором перекликается с тем, как Достоевский трактовал свою собственную роль как автора, например, при создании образа старца Зосимы и духа его поучений. По поводу готовящейся к печати книги пятой «Pro и contra» романа «Братья Карамазовы» Достоевский писал издателю как о «кульминационной точке романа», в которой «есть изображение крайнего богохульства и зерна идеи разрушения нашего времени в России, в среде оторвавшейся от действительности молодежи, и рядом с богохульством и с анархизмом – опровержение их, которое и готовится мною теперь в последних словах умирающего старца, одного из лиц романа» [Т. 30, кн. 1. С. 63]. Содержание цитируемого письма к Н. А. Любимову интересно и с точки зрения сформулированного в нём авторского отношения к убеждениям Ивана Карамазова, опровержению которых, по замыслу автора, посвящается следующая книга романа. «Эти убеждения, – пишет Достоевский, – есть именно то, что я признаю синтезом современного русского анархизма. Отрицание не бога, а смысла его создания» [Там же].

Это письмо как нельзя лучше может служить ответом современным исследователям, которые пытаются трактовать позицию Ивана Карамазова как alter ego автора, как это делает, например В. Шмид, говоря о раздвоении автора романа «Братья Карамазовы» на две ипостаси: «Достоевский I – это автор, проповедующий настоящую веру и преследующий по всему роману Ивана Карамазова. Достоевский II – это сомневаю-

щийся автор, рупором которого является тот же самый Иван Карамазов» [Шмид, 1998. С. 174]. Убедительность доводов рассудка, которые приводит герой, обосновывая своё понимание абсурдности мира, ввели в заблуждение некоторых читателей и критиков Достоевского. Между тем автор сознательно делает логику своего героя *неотразимой*: «Мой герой берет тему, по-моему, неотразимую: бессмыслицу страдания детей и выводит из неё абсурд всей исторической действительности» [Т. 30, кн. 1. С. 63]. Тем важнее видится писателю его задача как автора: «Богохульство же моего героя будет торжественно опровергнуто в следующей (июньской) книге, для которой я и работаю теперь со страхом, трепетом и благоговением, считая задачу мою (разбитие анархизма) гражданским подвигом» [Там же. С. 64].

В другом письме к издателю романа Достоевский указывает на старца Зосиму как на близкого себе по мыслям героя: «Само собою, что многие из поучений моего старца Зосимы (или лучше сказать способ их выражения) принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает, но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком. Он же не мог ни другим языком, ни в другом духе выразиться, как в том, который я придал ему. Иначе не создалось бы художественного лица» [Там же. С. 102]. В подготовительных материалах к роману, формулируя основные пункты «исповеди старца», Достоевский подчеркивает авторскую установку: «СЛОВАМИ СТАРЦА» [Т. 15. С. 243]. Как видим, автор не отождествляет себя с *художественным лицом*, хотя, как сам отмечает, *тех же мыслей*. Воля автора проявляется в объективированной оценке, которую он дает своему созданию, дистанцируясь от него: «Взял я лицо и фигуру из древле-русских иноков и святителей: при глубоком смирении надежды беспредельные, наивные о будущем России, о нравственном и даже политическом ее предназначении. Св. Сергей, Петр и Алек-

сей митрополиты разве не имели всегда, в этом смысле, Россию в виду?» [Т. 30, кн. 1. С. 102], одновременно указывая на источник своих собственных идей во взгляде на будущее России.

Таким образом, вопрос о возможности выражения позиции автора через героя решается Достоевским положительно, в то же время писатель подчеркивает, что читатели и критика не должны *смешивать* автора с *художественным лицом*, им нарисованным. Писатель вместе с тем не снимает ответственности с автора за то, какие идеи он проводит, наделяя ими героев. Представляется необходимым при оценке авторской позиции и форм ее воплощения в романах Ф. М. Достоевского учитывать трактовку проблемы взаимоотношений автора и героя, получившую разработку в эпистолярном, художественном и публицистическом наследии писателя. Отмеченная проблема, попытка интерпретации которой сделана в этой статье, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Список литературы

- Батюто А. И.* Незамеченные отклики на «Анну Каренину» в «Дневнике писателя» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 132–141.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972. 470 с.
- Габдуллина В. И.* Проблема авторского дискурса в художественной системе Ф. М. Достоевского // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2: Филология. С. 91–97.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Наука, 1963. Т. 6. 545 с.
- Шмид В.* Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов. Авангард. СПб.: Инапресс, 1998. 352 с.

Материал поступил в редколлегию 02.11.2008

V. I. Gabdullina

THE PROBLEM OF THE RELATIONS BETWEEN THE AUTHOR AND THE MAIN CHARACTER IN THE INTERPRETATION BY F. M. DOSTOEVSKY

In the focus of the article is the solution of the problem of the relations between the author and the main character in the literary work from the point of view of Dostoevsky. Letters, travel notes, «Author's Diary» are subject to the analysis.

Keywords: author's position, the main character.